

20. Le Fur D. Louis XII, un autre César. Paris: Perrin, 2010. 369 p.
21. Marot J. Le voyage de Venise / éd. Giovanna Trisolini. Genève: Librairie Droz, 1977. 204 p.
22. McLeod G. Virtue and Venom: Catalogs of Women from Antiquity to the Renaissance. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. VII, 168 p.
23. Muir E.W. Images of Power: Art and Pageantry in Renaissance Venice // American Historical Review. 1979. № 84. P. 16-52.
24. Thucydide. Paris: Josse Badius, 1527. In-f°.
25. Wyss R.L. Die neun Helden, Eine iconographische Studie // Zeit schrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1957. XVII. 2. P. 73-106.

References

1. Voronova T.P., Sterligov A.B. Zapadnoevropejskaya knizhnaya miniatyura VIII–XVI vv.: Al`bom – katalog [Western European book miniature VIII – XVI centuries: Alyobom - catalog]. St. Petersburg, 1996. 287 p.
2. Voroshen` V.A. «Devyat` doblestny`kh muzhej» i «Devyat` doblestny`kh zhen» v zapadnoevropejskom izobrazitel`nom iskusstve XIV-XVI vekov [“Nine Valiant Husbands” and “Nine Valiant Wives” in Western European Fine Art of the XIV-XVI centuries]: avtoreferat dis. ... Moscow, 2014. 34 p.
3. Marshandis A., Dyumon Dzh. Rukopis` Fr. F. V. XIV, 8 iz Rossijskoj nacional`noj biblioteki Sankt-Peterburga: literaturny`j i istoricheskij analiz [Fr. F. V. XIV, 8 from the Russian National Library of St. Petersburg: Literary and Historical Analysis] // Vestnik PSTGU. 2013. No.3(33). Pp. 33-51.
4. OR RNB. Fr. Fr.v.XIV.8.
5. Rukopisnoe nasledie V.F. Shishmareva v Arkhive Akademii Nauk SSSR: Opisanie i publikaczii [The manuscript heritage of V.F. Shishmarev in the Archives of the USSR Academy of Sciences: Description and publications]. M.; L.: Nauka, 1965. 245 p.
6. Khejzinga J. Osen` Srednevekov`ya [Autumn of the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 539 p.
7. Anonyme. Le triumphe des neuf preux, ouquel sont contenus tous les fais et proesses quilz ont achevez durant leurs vies, avec l`ystoire de Bertran de Guesclin. Abbeville: Pierre Gérard, 1487. In-fol. // Bibliothèque nationale de France, département Réserve des livres rares, Rés. Y2. 83.
8. Anonyme. Les neuf preux. Paris: Michel Le Noir, 1507. In-fol.
9. Beaune C. Visionnaire ou politique ? Jean Michel, serviteur de Charles VIII // Journal des Savants. Vol. 1-2, 1987. P. 65-78.
10. Bibliothèque nationale de France, Français 13429.
11. Bibliothèque nationale de France, Français 20360.
12. Bibliothèque nationale de France, Lat. 8132.
13. British Library, Harley 6205.
14. Carolus-Barré L., Adam P. Contribution à l`étude de la légende carolingienne: Les armes de Charlemagne dans l`héraldique et l`iconographie médiévales. Paris: Palais du Louvre, 1953. 380 p.
15. Chantilly, Musée Condé, Ms. 764.
16. Eichel P. Le siècle des grands hommes: les recueils de vies d`hommes illustres au XVIème siècle. Louvain, Paris, Sterling: Peeters Publishers, 2001. 447 p.
17. La Vigne A. de. Le Vergier d`honneur // Archives curieuses de l`histoire de France. 1834. T. 1. 1 série. P. 321-435.
18. La Vigne A. de. Le Voyage de Naples. Édition critique avec introduction, notes et glossaire par Anna Slerca. Milano: Vita e pensiero, 1981. VI, 406 p.
19. Labande-Mailfert Y. Charles VIII et son milieu: 1470-1498 : la jeunesse au pouvoir. Paris: Klincksieck, 1975. 615 p.
20. Le Fur D. Louis XII, un autre César. Paris: Perrin, 2010. 369 p.
21. Marot J. Le voyage de Venise / éd. Giovanna Trisolini. Genève: Librairie Droz, 1977. 204 p.
22. McLeod G. Virtue and Venom: Catalogs of Women from Antiquity to the Renaissance. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1991. VII, 168 p.
23. Muir E.W. Images of Power: Art and Pageantry in Renaissance Venice // American Historical Review. 1979. № 84. P. 16-52.
24. Thucydide. Paris: Josse Badius, 1527. In-f°.
25. Wyss R.L. Die neun Helden, Eine iconographische Studie // Zeit schrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1957. XVII. 2. P. 73-106.

© «Клио», 2021

© Сошникова К.В., 2021

УДК 94(5)

DOI: 10.51676/2070-9773_2021_12_35

Дата поступления (Submitted) 05.12.2021

Дата принятия к печати (Accepted) 11.12.2021

Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого)

САМОЙЛОВ НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки
Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д.7-9. E-mail: n.samoylov@spbu.ru*

Аннотация. Посольство во главе с Львом Измайловым, направленное Петром Первым в империю Цин, занимает важное место в истории российско-китайских связей петровского времени. Однако до сих пор исследователи не уделяли должного внимания этой дипломатической миссии.

В данной статье рассматривается вопрос о том, с какими сложностями, проистекавшими из специфических особенностей традиционного китайского дипломатического этикета, столкнулся русский посланник и как ему пришлось их преодолевать. Поскольку все страны и народы представлялись в Китае как «варварские» и вассальные по отношению к императору Китая, то от их посланников всегда требовали совершения церемоний, демонстрирующих покорность Сыну Неба. В основе политической культуры цинского Китая лежали принципы иерархичности международных отношений, где геополитическим центром однозначно оказывался Китай (так называемый «Китайский миропорядок»). Такие представления практически исключали равенство в отношениях. Льву Измайлову пришлось это учитывать и в то же время постараться исполнить как можно меньше столь унижительных церемоний. Тщательное изучение всех деталей пребывания посольства Измайлова в Пекине демонстрирует, с какими сложностями культурно-цивилизационного характера сталкивались русские дипломаты в Цинской империи, и как нелегко им было вести там переговоры.

Ключевые слова: Лев Измайлов, Петр I, Канси, российско-китайские отношения, династия Цин, дипломатический этикет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

Lev Izmailov's Mission to the Qing Empire (Specific Features of Russian-Chinese Relations at the Time of Peter the Great)

NIKOLAI ANATOLIEVICH SAMOYLOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department
of Theory of Asian and African Social Development,
Saint Petersburg State University (Russia)
199034, Russian Federation,
Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 7-9.
e-mail.: n.samoylov@spbu.ru*

Abstract. The embassy with Lev Izmailov as its head sent by Peter the Great to the Qing empire, occupies an important place in the history of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great. However, so far historians have not paid due attention to this diplomatic mission.

The article examines the issue of difficulties stemming from the specific features of the traditional Chinese diplomatic etiquette the Russian envoy faced and how he had to overcome them. Since all countries and peoples in the world were presented to the emperor of Chin as “barbarians” and vassals, their envoys were always bound to perform ceremonies demonstrating submission to the Son of Heaven. The political culture of Qing China was based on the principles of the hierarchy in international relations, where China was unequivocally the geopolitical center of the world (“the Chinese world order”). Such views practically ruled out equality in relationships. Lev Izmailov had to take this into account and at the same time try to perform as few of such humiliating ceremonies as possible. A careful study of all the details of Izmailov mission's visit to Beijing demonstrates what cultural and civilizational problems Russian diplomats faced in the Qing Empire, and how difficult it was to conduct diplomatic negotiations there.

Keywords: Lev Izmailov, Peter I, Kangxi, Russian-Chinese relations, Qing Dynasty, diplomatic etiquette

* The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42018 (“Image of Peter the Great in East Asia: Sociocultural Interpretation and Adaptation”).

Посольство во главе с капитаном Львом Измайловым, направленное Петром Первым в империю Цин, занимает важное место в истории российско-китайских связей петровского времени. Однако до сегодняшнего дня исследователи не уделяли должного внимания этой дипломатической миссии, и это особенно удивительно, учитывая то, что значительная часть источников по истории посольства Измайлова, включая уникальные архивные матери-

лы, к настоящему времени уже опубликована.

В первый том материалов и документов по истории русско-китайских отношений в XVIII веке, составленный Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясниковым, помимо основного источника – Статейного списка (отчета) посланника Л. Измайлова о посольстве в Цинскую империю [1, с.195-276], были включены инструкция, данная ему из Коллегии иностранных дел [1, с.191-194], роспись подарков императора Канси Петру Ве-

ликому [1, с.276-278], целый ряд финансовых документов, и многое другое. Там же были опубликованы переведенные на русский язык записки еще двух участников этого посольства: врача Джона Белла [1, с.498-554] и художника и гравера Георга Иоганна Унферцагта [1, с.555-584]. Интересные материалы о посольстве Льва Измайлова присутствуют также в «Дипломатическом собрании дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год», составленном историком, археографом и издателем Н.Н. Бантыш-Каменским (1737-1814) по документам, хранившимся в Коллегии иностранных дел [2, с.85-103].

При этом следует заметить, что китайские источники содержат крайне мало сведений о прибытии в Пекин посольства Измайлова и его приеме цинским императором Канси. В то же время интереснейшую информацию об этих событиях можно найти в записях западных миссионеров, находившихся в то время в Китае и служивших при императорском дворе. В этой связи очень показательным представляется выполненный М.С. Кругловой перевод с итальянского языка фрагмента мемуаров католического миссионера Маттео Рипы (1682-1746) [3], который двенадцать лет (с 1711 по 1723 гг.) работал художником и гравером при дворе императора Канси.

Оценка результатов посольства Льва Измайлова была дана в соответствующем разделе монографии академика В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили» [4] и в его статье «Дипломатические отношения России и Цинской империи в первой четверти XVIII в.» [5, с.168-187]. В.С. Мясников отмечает, что причинами, побудившими Петра I отправить посольство в Китай, стали осложнения в русско-китайской торговле и «запутанность вопросов о перебежчиках границы» [5, с.184]. По мнению В.С. Мясникова, миссия Измайлова завершилась практически безрезультатно, поскольку, хотя ему и удалось убедить цинские власти пропустить в Пекин торговый караван Истопникова и разрешить Лоренцу Лангу остаться на время в китайской столице в качестве торгового агента, но в тот момент, когда почти удалось достичь соглашения о размене перебежчиков, новая группа монголов в количестве 700 человек переселилась на русскую сторону. В итоге очень важное соглашение заключено не было, и Лев Измайлов вернулся в Россию.

Посольству Измайлова посвящены несколько страниц в монографии американской исследовательницы Барбары Маггс, рассматривавшей формирование образа Китая в России в XVIII веке [6, с.70-73]. Б. Маггс отмечает, что, хотя поставленные перед Л. Измайловым дипломатические задачи не были полностью выполнены, его миссию в целом можно считать успешной. Основываясь на записях находившегося в

составе посольства шотландского врача Джона Белла, автор делает вывод о том, что русское посольство с почетом было принято при цинском дворе, хотя от посланника и потребовали выполнить ритуал коутоу¹. Б. Маггс также отмечает, что одним из достижений миссии Измайлова было заключенное с цинским двором соглашение о том, что российский представитель мог оставаться в Пекине на длительное время для регулирования вопросов русско-китайской торговли. Этим представителем стал Лоренц Ланг.

В современной китайской историографии посольству Измайлова уделяется мало внимания, поскольку он не заключил в Пекине каких-либо важных соглашений, а буквально через несколько лет, в 1727 г., между Россией и Цинской империей был подписан исторический Кяхтинский договор, которому придается большое значение. В китайских работах общего характера посольство Льва Измайлова вообще не упоминалось [7; 8], а в справочных изданиях о нем говорится кратко и сухо: «Лев Измайлов в 1719 г. был направлен в Китай. Пять или шесть раз он был принят императором Канси. В штате его посольства состояли: швед Лоренц Ланг в качестве секретаря, шотландец-врач Белл и другие лица» [9, с.235]. Несколько подробнее пишет об этом посольстве хэйлунцзянский историк Су Фэн-линь [10], однако, интересно то, что приводимые сведения он черпает из российских источников и научной литературы (например, из книги И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства»).

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о недостаточной изученности пребывания миссии Измайлова в Пекине и о необходимости уделить этой теме гораздо большее внимание. В данной статье будет рассмотрен вопрос о том, с какими сложностями, проистекавшими из специфических особенностей традиционного китайского дипломатического этикета, столкнулся русский посланник и как ему пришлось их преодолевать.

4 июня 1719 г. Петр I подписал указ об отправке в Пекин посольства для переговоров о заключении торгового договора, во главе которого он поставил капитана Лейб-гвардии Преображенского полка Льва Измайлова.

Лев Васильевич Измайлов (1685-1738) происходил из знатного рода, занесенного в Бархатную книгу, его дед Василий Тимофеевич служил воеводой в Пелыме, а отец Василий Петрович был стольником. Его дядя Иван Петрович Измайлов занимал должность обер-коменданта Москвы, другой дядя - Андрей Петрович был посланником в Дании, а в конце жизни нижегородским губернатором. Дед по линии матери - князь Никита Иванович Приимков-Ростовский - был в числе стольников царя Алексея Михайловича, руководил Судным приказом, находился на воеводстве в Астрахани. Сам Лев Измайлов неоднократно выполнял поручения царя Петра I.

По определению Государственной коллегии иностранных дел помимо чрезвычайного посланника Льва Игнатъева в состав посольства были включены два секретаря: Лоренц Ланг и Иван Глазунов, дворянин посольства Иван Павлов², Василий Грушевский, переводчик Иван Кременевский (скончался по дороге в Иркутске 3 мая 1720 г., не доехав до Китая), лекарь Джон Белл (в тексте Статейного списка указан именем Яган Бель), лейб-гвардии унтер-офицер князь Александр Засекин, подьячий Андрей Грязев, два геометрика: Федор Балуев и Михаил Игнатъев, а также три солдата Преображенского полка: Яков Зубарев, Лукьян Нестеров и Алексей Дивов [1, с.195].

Путь посольства Льва Измайлова в Китай был очень долгим. Оно выехало из Санкт-Петербурга 16 сентября 1719 г., 20 октября достигло Казани, 16 декабря прибыло в Тобольск, а 30 марта следующего года – в Иркутск. 28 мая 1720 г. посольство достигло пограничного города Селенгинска, где в его состав включили «для толмачества» трех казаков, знавших монгольский язык.

24 июня в Селенгинск для встречи русского посольства прибыл важный чиновник Военного приказа царгучи³ Тулишэнь⁴, который провел предварительные переговоры с Измайловым и сообщил, что для дальнейшего путешествия русскому посланнику по повелению императора Канси будут даны подводы и верблюды [1, с.199]. 29 июня Тулишэнь был приглашен русским посланником в его дом на обед по случаю дня тезоименитства Петра I: «И как начали пить за высочайшее здравие его императорского величества, тогда стреляли из пушек и зело довольно веселились» [1, с.199].

Однако, несмотря на достаточно дружеское общение, официальные переговоры с Тулишэнем и пограничными чиновниками о пропуске в Китай русского торгового каравана были безуспешными. Лев Измайлов в своем отчете неоднократно упоминал царгучи Ломи, с которым он также вел переговоры по поводу этого торгового каравана, доказывая, «что без того ему, посланнику, ехать невозможно», на что Ломи отвечал, что «каравану российского принять и в Китай пропускать ему не велено» [1, с.204].

В конце концов, Измайлов был вынужден выехать в Пекин с членами посольства и большой свитой, но без торгового каравана. На всем пути его встречали с почетом. 5 ноября посольство достигло города Калган (совр. Чжанцзякоу), где по случаю его прибытия был выстроен почетный караул с саблями, численностью около тысячи человек. Такие почести оказывались русскому посланнику на протяжении всего пути до Пекина, что было выражением особого отношения к данному посольству со стороны императора Канси. Подчеркивая исключительность подобного отношения, царгучи Ломи говорил,

«что к богдыханову величеству когда приезжали от окрестных государств послы и посланники, и оным встречи никакой не бывало и лошадей ханских к ним не присылавали, а ныне богдыханово величество для любви его императорского величества и уведомясь про него, посланника, что он послан в персоне знатной, хотя и обыкновения такова нет, однако зделали чрезвычайно и выслал к нему, посланнику, лошадей своих и трех заргучеев с своим чаем» [1, с.210].

18 (29) ноября 1720 г. Лев Измайлов, сопровождаемый членами посольства и многочисленной свитой, торжественно въехал в столицу Цинской империи: «Вначале ехали два трубача, за ними один литавщик, потом салдат гвардии и три человека драгун со обнаженными шпагами, два трубача и капрал со обнаженною ж шпагою, да за ними 24 человека драгун, держав мушкеты на караул, а за ними вели посланниковых дву лошадей в наилутчем уборе. За лошадьми ехал гофмейстер и 12 человек лакеев, да камердинер и два паж в богатой либерее, а потом ехали два толмача в сайдаках и два егера с стуцерами, да два гайдука и за ними шел скорогод, а по них следовал чрезвычайной посланник верхом на ханской лошади. За посланником ехали архимандрит и два секретаря посольства на ханских лошадях, дворяне, ундер-афицер гвардии, лекарь, канцелярист, салдаты гвардии, геометрики и за ними ехали служители их, по два человека в ряд. При въезде в город трубачи играли на трубах з боем литаврным. И с такою церемониею ехали чрез город до посольского двора многими улицами, которые наполнены были народом. Посланника провожали заргучеи и два подьячих» [1, с.211].

Сразу же по прибытии в Пекин Льву Измайлову пришлось столкнуться с требованиями китайского придворного и дипломатического этикета, обусловленными традиционным восприятием международных отношений. Поскольку все страны и народы рассматривались в Китае («Срединном государстве») как «варварские» и вассальные по отношению к Сыну Неба – императору Китая, то от их посланников всегда требовали совершения церемоний, демонстрирующих покорность Сыну Неба. Льву Измайлову пришлось это учитывать и в то же время постараться исполнить как можно меньше столь унижительных церемоний.

Тулишэнь предупредил Измайлова по прибытии его в Пекин, что к нему явятся три министра и объявят ему императорский указ, и чтобы он, посланник, при этом «пред ними стоял на коленях» [1, с.211]. На это Измайлов твердо ответил, что, если его посетят цинские министры, он примет их «с достойною честью и указ от богдыханова величества слушать готов, а на коленках стоять не будет» [1, с.212].

Когда прибыли министры, Измайлов встретил их у крыльца и не стал вставать на колени.

Он также отказался передать им грамоту императора Петра I, объявив, что вручит ее только самому богдыхану, однако пояснил, что Петр подписался лишь собственным именем «без титулов своих». Это был важный дипломатический ход, который с учетом требований цинского дипломатического протокола мог бы способствовать налаживанию переписки между двумя империями.

Наибольшие дискуссии между русским посланником и цинскими сановниками вызвал вопрос о том, как Измайлов будет подносить императору Канси грамоту царя Петра Алексеевича и будет ли при этом совершать ритуал коутоу. Согласно установленной традиции, все прибывавшие ко двору китайского императора иностранцы, были обязаны выполнить коутоу. Вот как описывал это Лоренц Ланг, посетивший Пекин в 1715-1717 гг. по личному указанию Петра Первого: «Войдя в зал, мы должны были стать на колени перед императором и поклониться три раза до земли. Когда мы это сделали, мы снова встали, но затем еще раз опустились на колени и снова поклонились, эту церемонию мы совершили трижды». [1, с.495]. Все это было известно Льву Измайлову, и он всячески старался уклониться от исполнения столь унижительной с точки зрения европейских и русских дипломатов процедуры.

Тогда цинские власти подключили к этим переговорам европейских миссионеров, служивших при дворе цинского императора и выполнявших функции переводчиков во время переговоров с русским посланником. Уже упоминавшийся итальянский миссионер Маттео Рипа в своих записках подробно остановился на этих вопросах. Он отмечал, что Измайлов долго доказывал, что у него есть приказ избежать поклонов и вручить письмо в собственные руки императора, однако после долгих возражений все же согласился пойти на некий компромисс и «пообещал выполнить все поклоны по китайскому обычаю и положить письмо на столик недалеко от Императора, сидящего на троне. С этого столика один из пажей или кто-то из высших придворных должен будет взять письмо и вручить Императору» [3, с.51]. При этом Измайлов добился того, что он прибудет к воротам дворца так же, как и при первом въезде в Пекин, то есть с саблей наголо в руке и со всей своей свитой.

Лев Измайлов был принят императором Канси во дворце Чанчуньюань, в роскошном зале, где на богато украшенном троне восседал сам император. М. Рипа подробно описавший этот прием, проходивший в очень торжественной обстановке, отмечал, что «справа и слева от него, но на уровне трона в парадной одежде севера Китая, тоже по-татарски, на подушках сидели три сына Императора. На этом же уровне, но уже на некотором удалении стояла охрана с алебардами, пажи, евнухи, высшие офицеры импера-

торской гвардии. Еще чуть дальше стояли мы, переводчики, по приказу Императора одетые в одежду со знаками высших мандаринов⁵. Ниже трона, уже на уровне большого зала, сидели на подушках высшие мандарины империи, у нас их зовут графами, а также члены императорской семьи. Еще дальше сидели мандарины чином ниже» [3, с.51].

Маттео Рипа, много лет живший в Пекине и хорошо знакомый с дворцовыми нормами и правилами, отмечал, что любой иноземный посланник, согласно цинскому дипломатическому этикету, должен был перед тем, как положить письмо на стол перед императором, некоторое время простоять на коленях вне атриума. Однако в данном случае Рипа обратил внимание на то, что по милости императора Канси русский посол сразу же был допущен в большой зал и начал поклоны, держа письмо на уровне своего лба, а император вынудил его находиться в этом положении довольно продолжительное время. Рипа досконально описал состояние Льва Измайлова в момент совершения этой церемонии: «Лицо посла покраснело от гнева, его губы шевелились – он что-то про себя говорил, крутил головой. Видно было, что он не доволен. Однако Император приказал встать с колен и сразу приблизиться с письмом к трону. Когда посол поднялся с коленей и подошел к Императору, Его величество взял (!) письмо прямо из рук посла!» [3, с.51]. По мнению Рипы, это был неслыханный поступок со стороны императора, ставший еще одним знаком доброжелательства по отношению к русскому послу и его монарху.

Посол Измайлов стал на французском языке отвечать на вопросы императора и сказал, что царь, его господин, спрашивает о здоровье его величества, и что царь направил его, посла, чтобы установить тесную дружбу между двумя монархами. Император, по словам М. Рипы, любезно отвечал послу. Переводили их беседу миссионеры.

А вот как сам Лев Измайлов описывал процесс передачи грамоты: «Потом алой⁶ объявил посланнику, чтоб шол. И как шли, и перед посланником нес грамоту секретарь, которого по сторонам шли четверо салдат гвардии, за секретарем шел посланник и ево чиновныя люди. И по входе посланничьем во двор ханской множество манзурских и китайских знатных людей было. Поставили посланника против аудиенцсалы, не дошед сажень за 10, к левой стороне, и дожидались пока вышел в тое салу и сел на своем троне богдыхан. Перед салою на земле поставлен был четвероугольной стол, покрыт жолтою парчею. И как богдыхан сел на своем троне, оной стол взяв, четыре человека внесли и поставили посередь салы. И потом чрез алая посланник позван в тое аудиенц-салу. И взяв императорского величества грамоту от секретаря, пришед в салу, и у того стола, которой прежде стоял перед салою,

поставлен он, посланник, на колени и грамоту в руках держал. Потом призваны оба секретари посольства и позади посланника також поставлены были на колени. И богдыхан во услышание всем говорил, что он хотя имел и имеет древние законы ни у каких чужестранных послов или посланников грамот не принимать, однакож ныне, почитая императора росийского как своего равного друга и соседа, и для дружбы его величества, оставя прежние законы, грамоту из рук от посланника ево сам примет». [1, с.224].

Из этого текста видно, что Измайлов постарался смягчить описание церемониала коуту и ничего не написал о своем внутреннем состоянии в тот момент, о чем мы знаем из записей М. Рипы. В то же время Измайлов подчеркивает, что император Канси в нарушение всех традиционных норм принял грамоту Петра I непосредственно из рук его посланника. И это было большим дипломатическим успехом.

Дело в том, что в соответствии с традиционным китайским дипломатическим церемониалом приема иноземных послов, воспринятому маньчжурской династией Цин, грамоты от главных иностранных государств принимались специальными чиновниками Либу или Лифаньюаня. После перевода грамоты ее содержание докладывалось императору и Государственному совету. Такая процедура вызывала недовольство представителей суверенных государств, стремившихся передать личное послание своего монарха непосредственно в руки китайскому императору, тем самым как бы осуществив контакт между государями. С этим сталкивались все русские посланники, побывавшие в Китае до посольства Л. Измайлова. Русские послы Федор Байков и Николай Спафарий, находясь в Пекине, в течение долгого времени не соглашались передать царские грамоты чиновникам Лифаньюаня, в связи с чем миссия Ф. Байкова закончилась безрезультатно, а Н. Спафарий, хотя и пошел на некоторые уступки, однако фактически тоже не добился успеха. Зато Льву Измайлову удалось добиться передачи грамоты непосредственно в руки императора Канси.

Описание этого дипломатического успеха русского посланника содержится и в записках других членов русского посольства.

Входивший в состав посольства шотландский врач Джон Белл писал следующее: «По прошествии четверти часа император вошел в залу потаенною дверью и сел на своем престоле, тогда поднялося все собрание. Церемониймейстер повел посланника к императору, держа одною рукою его, а другою верующую его грамоту. Положил он оную на определенный к тому столик, так как соглашенось было на то, но богдыхан сделал знак г. Измайлову, чтоб он подошел к нему. Посланник, взяв верующую свою грамоту, и будучи провождаем аллоем, приблизился ко престолу, встал на колени и положил ее пред императо-

ром, который прикоснулся до нее рукою и разговаривал с ним несколько о его царском величестве. Причем говорил, что ежели уволил он его от церемониала, уставленного в его державе, то сие учинено им токмо в изъявление дружбы, каковую он имеет к его государю». [1, с.524].

Все сказанное подтверждает в своих «Записках о путешествии в Цинскую империю» и Георг Иоганн Унферцагт, художник и гравер, сопровождавший посольство Льва Измайлова: «... появился император в своем убранстве и сел на трон. Мы опустились на колени, головы склонили до земли три раза, снова встали, снова три раза поклонились и опять встали, и третий раз три раза поклонились. Совершив эту церемонию, мы стояли не шевелясь, а посланник пошел к трону с верительной грамотой, которую он держал высоко в руках, и передал потом ее императору, стоя на коленях. Тогда император сразу позвал к себе иезуита господина Парренин⁷, который также встал на колени и выслушал приказ императора (так как такое у них в обычае). Потом он снова встал и спросил посланника: в добром ли здравии их царское величество. На что он ответил, [что] он оставил его, слава богу, в добром здравии и надеется, что господь и далее сохранит его. Тогда император приказал принести чашу тарасуна⁸, которую церемониймейстер тотчас принес, проделав обычную церемонию: он встал напротив трона приблизительно в 16 сажнях, опустился на колени, принял от другого чашу тарасуна, поднялся с ней, чинно подошел к трону, снова встал на колени и передал ее императору, который осушил ее за здоровье царя. Между тем позвал он резидента Ланга и назвал его старым другом и знакомым, потому что он три года назад был здесь с доктором медицины Томасом Гарвиным; он приветствовал его, спросил хорошо ли мы доехали и т. д. В то время как они беседовали, он приказал принести еще две чаши с тарасуном. Когда их немедленно принесли и передали с прежними церемониями, он из своих рук подал одну посланнику, а другую резиденту Лангу. Когда они их осушили, каждого пригласили сесть за отдельный стол, а остальных участников посольства посадили по двое за один стол... Столы ломились от яств, на каждом столе стояло по всей вероятности до 50 блюд, одно на другом по 10 блюд. Когда мы отведали этих яств, император послал на каждый стол тарелку с конфетами со своего стола, показывая этим особенно высокую милость, за что мы снова благодарили». [1, с.568].

Тщательное изучение всех деталей пребывания посольства Измайлова в Пекине демонстрирует, с какими сложностями культурно-цивилизационного характера сталкивались русские дипломаты в Цинской империи, и как нелегко им было вести там переговоры.

Петровская эпоха и постпетровский период занимают важное место в истории русско-ки-

тайских отношений. Дело в том, что первые русские посольства в Китай в XVII веке и первые контакты между людьми продемонстрировали глубокие различия двух социумов и культур. В этой ситуации можно с уверенностью говорить о том, что именно дипломатические миссии выполняли роль посредников между двумя принципиально разными социокультурными суперсистемами, становясь трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух цивилизаций. На этой стадии (стадии идентификации) происходит постепенное восприятие иной социокультурной системы [Подробнее см.: 13].

В XVII веке начался процесс социокультурного взаимодействия России и Китая, который отчетливо проявился в характере дипломатических отношений двух стран - двух субъектов международных отношений. В основе политической культуры цинского Китая лежали принципы иерархичности международных отношений, где геополитическим центром однозначно оказывался Китай (так называемый «Китайский миропорядок»). Такие представления практически исключали равенство в отношениях, все контакты могли быть только по вертикали: сюзерен – вассал. Для российской внешней политики были более характерны горизонтальные связи. Отсюда и неудачи миссий Байкова, Спафария и др. Однако в петровское время многое начинает меняться, что и продемонстрировало посольство Измайлова, по сути заложившее основы успеха посольства Владиславича-Рагузинского.

В этой связи можно полностью согласиться с

мнением В.С. Мясникова о том, что при установлении отношений России и Китая «естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную – китайские. В результате взаимодействия сторон формировалось как вектор развития, получила третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подходов» [5, с.314].

Важное значение имело посольство Измайлова и для развития русско-китайских связей в сфере культуры. Подарки двух императоров друг другу составили основу соответствующих музейных коллекций. Измайлов привез в Россию большое количество изделий декоративно-прикладного искусства не только в виде подарков [1, с.276-278], многое ему было поручено специально приобрести в Китае [1, с.282]. Часть приобретенных им предметов была передана в Кунсткамеру [14, с.36].

Вклад Петра Великого в процессы дипломатического, торгового и социокультурного взаимодействия России с Китаем поистине неосценим. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского политического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи. В петровскую эпоху не только в России сформировался устойчивый интерес к Китаю, но и в Цинской империи всерьез заинтересовались Россией [15]. Существенную роль в процессе развития социокультурного взаимодействия России и Китая сыграло посольство Льва Измайлова.

Примечание

¹ Коуту – ритуал тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, который, согласно традиционному китайскому дипломатическому этикету, было необходимо совершать во время аудиенции у императора при приближении к его особе. Включал в себя необходимость трижды опуститься на колени из положения стоя, и каждый раз, стоя на коленях, три раза исполнить поклон. Не соблюдавшие этого требования иностранные посланники не допускались к аудиенции.

² Под именем Ивана Павлова в Китай был послан итальянец Николо Крисниц (Христизини), состоявший на русской службе. В Пекин он ездил инкогнито в составе посольства Измайлова «для усмотрения купеческого обращения» [11, с.36].

³ Цзаргучи (заргучей) – чиновник, совмещавший административные и судебные функции.

⁴ Тулишэнь (1667-1741) – крупный чиновник и дипломат цинского времени, маньчжур по национальности. Он происходил из семьи, которая принадлежала к клану Аянь Гиоро, входившему в состав привилегированного Желтого знамени. В 1712-1715 гг. участвовал в цинском посольстве к калмыцкому хану Аюке, проехал через территорию России, посетил многие города и составил подробное описание своего путешествия. После поездки в Россию считался экспертом по русским делам, участвовал в переговорах с Львом Измайловым (1720 г.) и Саввой Владиславичем-Рагузинским (1727 г.). [Подробнее см.: 12].

⁵ Мандарин – наименование, данное португальцами китайским чиновникам (гуань). Слово происходит (через португальское посредство) из санскрита (мандари – командир, либо мантрин – советник).

⁶ Алой – искаженное название должности (маньчж.) Аллой хувалычжаси – чиновник Либу (Приказа церемоний).

⁷ Доменик Парренин (1665-1741) – французский миссионер-иезуит, переводчик на переговорах с послом Измайловым.

⁸ Тарасун – «молочная водка», крепкий алкогольный напиток, получаемый путем дистилляции и ферментации кобыльего молока.

Литература и источники

1. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700-1725 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. – 703 с.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Типография Императорского университета, 1882. – 577 с.
3. Круглова М.С. Посольство посла Измайлова в Китае. Перевод с итальянского фрагмента мемуаров Маттео Рипы // Вестник Московской международной академии. № 2/2016 - № 1/2017. С.46-53.
4. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения в 7 т. Т. 3. М.: Наука, 2014. – 603 с.

5. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения в 7 т. Т. 5. М.: Наука, 2014. – 491 с.
6. Maggs B. *Russia and 'le reve chinois': China in Eighteenth-Century Russian Literature*. Oxford: Voltaire Foundation at the Taylor Institution, 1984. – 179 p.
7. 林军. 中苏关系, 1689-1989. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 1989, - 233 页. [Линь Цзюнь. Китайско-советские отношения, 1689-1989. Харбин: Хэйлунцзян цзяюй чубаньшэ, 1989. – 233 с.].
8. 胡礼忠, 金光耀, 沈济时. 从尼布楚条约到叶利钦访华 – 中俄中苏关系300年. 福州: 福建人民出版社. 1994. - 443 页. [Ху Личжун, Цзинь Гуаньяо, Шэнь Циши. От Нерчинского договора до визита Ельцина в Китай: 300 лет китайско-российских и китайско-советских отношений. Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ, 1994. – 443 с.].
9. 近代来华外国人名辞典. 北京: 中国社会科学出版社, 1981. 643 页 [Словарь имен иностранцев, посещавших Китай в Новое время. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1981. – 643 с.].
10. 宿丰林. 从《尼布楚条约》到《恰克图条约》 – 中俄文化流的历史片断 // 中俄关系的历史与现实. 开封: 河南大学出版社. 2004. 页17-26 / [Су Фэнлин. От Нерчинского договора к Кяхтинскому – фрагменты истории культурного взаимодействия Китая и России // История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С.17-26].
11. Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М.: Типография Т.Малиновского, 1882. – 304 с.
12. Самойлов Н.А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. №5 (173). С.33-42.
13. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение, африканистика. 2010. № 2. С.3-15.
14. Благодер Ю.Г. Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 35-37.
15. Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658.

References

1. Russko-kitajskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese Relations in the 19th century. Documents and materials]. Vol. 1: 1700-1725. Ed. by S.L. Tihvinsky. Moscow: Nauka, 1978, 703 p.
2. Bantysh-Kamenskii N.N. *Diplomaticheskoe sobranie del mezhdru Rossiiskim i Kitaiskim gosudarstvami s 1619 po 1792-i god*. [Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792]. Kazan: Printing House of the Imperial university, 1882, 577 p.
3. Kruglova M.S. *Posol'stvo posla Izmailova v Kitae. Pervod s ital'yanskogo fragmenta memuarov Matteo Ripy* // [Izmailov's Embassy in China. Fragment from the Matteo Ripa's Memoirs. Translation from Italian]. Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii, no. 2/2016 -1/2017, pp. 46-53.
4. Myasnikov V.S. *Kastal'skii klyuch kitaeveda. Sochineniya. v 7 t*. [Castalian spring of the sinologist. The complete works in 7 volumes]. Vol. 3. Moscow, Nauka, 2014, 603 p.
5. Myasnikov V.S. *Kastal'skii klyuch kitaeveda. Sochineniya. v 7 t*. [Castalian spring of the sinologist. The complete works in 7 volumes]. Vol. 5. Moscow, Nauka, 2014, 491 p.
6. Maggs B. *Russia and 'le reve chinois': China in Eighteenth-Century Russian Literature*. Oxford, Voltaire Foundation at the Taylor Institution, 1984, 179 p.
7. Lin Jun. *Zhong-Su guanxi, 1689-1989* [Sino- Soviet relations, 1689-1989]. Harbin, Heilongjiang Education Press, 1989, 233 p.
8. Hu Lizhong, Jin Guangyao, Shen Jishi. *Cong Nibuchu tiaoyue dao Yeliqin fanghua – Zhong- E Zhong-Su guanxi 300 nian* [From the treaty of Nerchinsk till Yeltsin visit to China -300 years of Sino-Russian and Sino-Soviet relations]. Fuzhou, Fujian People's Publishing House, 1994, 443p.
9. *Jindai laihua waiguo renming cidian* [Dictionary of foreigners visited China in Modern period]. Beijing, China Social Sciences Press, 1981, 643 p.
10. Su Fenglin. *Cong "Nibuchu tiaoyue" dao "Qiaketu tiaoyue"* [From the treaty of Nerchinsk to the treaty of Kyakhta – historical fragments of Sino-Russian cultural interaction]. *Zhong-E guanxi lishi yu xianshi* [History and reality of Sino-Russian relationship]. Kaifeng, Henan University Press, 2004, pp. 17-26.
11. Trusevich H. *Posol'skie i torgovye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX v.)* [Ambassadorial and trade relations between Russia and China (until the 19th century)]. Moscow, T. Malinovsky's printing house, 1882, 304 p.
12. Samoylov N.A. *Obraz Petra Pervogo v «Zapiskakh» tsinskogo poslannika Tulishenya* [Image of Peter I in the "Records" written by the Qing Dynasty diplomat Tulišen]. *Klio*, 2021, no. 5 (173), pp.33-42.
13. Samoylov N.A. *Rossiya i Kitai v XVIII – nachale XX v.: tendentsii vzaimodeistviya i vzaimovliyaniya* [Russia and China between the XVIII and the early XX centuries: tendencies of interaction and mutual influence]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian Studies. African Studies*. 2010, no.2, pp.3–15.
14. Blagoder Yu. G. *Proizvedeniya kitaiskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva v fondakh Kunstkamery (XVIII v.)* [The products of Chinese arts and crafts in Kunstkamera funds (XVIII century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [History, philosophy, politics and law, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2009, no.3(4), pp.35–37.
15. Samoylov N.A. *Vklad Petra Velikogo v sotsiokul'turnoe vzaimodeistvie Rossii so stranami Vostochnoi Azii* [Peter the Great's contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries]. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021, vol.43, no.6, pp.65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658

© «Клио», 2021

© Самойлов Н.А., 2021